

нія. Тутъ только и было слышно, что слова: «гдѣ же наша кавалерія»? «отчего ея не видно?» Послали къ ней одного ординарца, потомъ другаго, третьяго. Подполковникъ генеральнаго штаба Воиновъ, посланный къ ней же для лучшаго указанія дороги,—онъ былъ нашимъ военнымъ агентомъ въ Эрзерумѣ,—вернулся скоро съ извѣстіемъ, что дорога хороша, и кавалерія скоро покажется. Ординарцы, посланные до и послѣ него, не возвращались. Наконецъ, налѣво отъ насъ, на концѣ козлообразной горы, у ея подножія, показались массы кавалеріи. Но эти массы, сначала двигавшіяся то впередъ, то назадъ, скоро стали на мѣсто, какъ вкопанные, и—ни съ мѣста. Спустился цѣлый вѣчность, прискакалъ какой-то всадникъ грузинской дворянской дружины, съ донесеніемъ отъ князя З. Чавчавадзе къ командующему корпусомъ, что дорога непроходима, что кавалерія наткнулась на обрывъ, по которому не только нельзя поднять конныхъ артиллерійскихъ батарей, но невозможно взобраться даже конницѣ. Всадникъ рассказывалъ, что одинъ зарядный ящикъ уже опрокинулся въ оврагъ и брошенъ въ пути, что двигаться приходилось по такимъ дорогамъ, гдѣ и пѣшему проходить трудно. Лица у всѣхъ вытянулись. Вѣдь это была чуть не главнѣйшая надежда сегоднѣшняго дня! Вѣдь все было построено на этомъ обходномъ движеніи кавалеріи!

«Въ этотъ день наша кавалерія прошла изъ подъ Зивина черезъ сел. Кадыкъ и Ташъ-Кесеръ, до минеральнаго источника Чермукъ, гдѣ она перешла въ бродъ р. Ханы-Чай, и затѣмъ наткнулась на непроходимые подъемы. Около 8 ч. вечера, когда все было окончено, она частью подходила къ цѣли. Этотъ обходъ, который наши спеціалисты опредѣлили въ 6—8, много 10 верстъ, оказался длиною около 30 вер. въ одинъ путь!

«Адъютанты и ординарцы командующаго корпусомъ всѣ были въ отлучкѣ: всѣ они были посланы съ приказаніями въ различныя стороны. За истощеніемъ и недостаткомъ адъютантовъ и ординарцевъ, пришлось посылать съ приказаніями завѣдывающаго корпуснымъ обозомъ подп. Мищенко и гражданскаго чиновника особыхъ порученій—кн. Шаликова. Возвращаясь постепенно, чтобъ снова быть отправленными съ новыми приказаніями, они почти единогласно подтверждали, что огонь непріятеля по всей линіи убійственъ, что наши войска истощаются, подымаясь на отвѣстныя высоты и т. п. Къ тому же времени, когда пріѣхалъ всадникъ отъ кн. Чавчавадзе, получено было чрезъ ординарцевъ извѣстіе, что у нашихъ штурмующихъ колоннъ, ждущихъ подкрѣпленія, патроны почти-что на исходѣ.

«Тутъ, кромѣ того, примѣшалось слѣдующее обстоятельство. Какъ только въ 4½ часа арт. капитанъ кн. Тархановъ, состоявшій при командующемъ для особыхъ порученій, вернулся къ нему отъ добровольнаго объѣзда боевой линіи и первый доложилъ напрямки, что положеніе штурмующихъ колоннъ показалось ему крайне тяжелымъ, что ген. Комаровъ легко раненъ, командующій корпусомъ переѣхалъ съ своего наблюдательнаго поста въ ближайшую къ штурму высоту, а г.-л. Гейманъ поѣхалъ лично осмотрѣть боевую линію.

«Замѣчательно, что огонь непріятеля сообразовался съ нашею атакою и даже

съ нашимъ огнемъ. Какъ только наши начинали стрѣлять,—принимались палить и турки. Какъ только наши колонны рвались впередъ — турки учащали выстрѣлы. Но стоило нашимъ ослабить огонь и не трогаться — и моментально ослабѣвалъ огонь непріятеля. Вслѣдствіе этого были моменты, между 5 и 7-ми часами вечера, когда сраженіе можно было считать почти что конченнымъ, и когда, вмѣсто сплошныхъ залповъ, раздавались кое-гдѣ лишь одиночные выстрѣлы, которымъ изрѣдка вторила наша и непріятельская артиллерія. Но это затишье всегда служило предвѣстникомъ новаго и еще болѣе ожесточеннаго столкновенія...

«За это время особенно любопытно было смотрѣть на лѣвое крыло непріятеля, собственно на линію, шедшую отъ сзади-лежащихъ высотъ, перпендикулярно къ р. Ханы Чай. Съ этой стороны зивинская позиція отдѣляется отъ сосѣднихъ террасъ рядомъ глубокихъ рвовъ, причемъ плато лагеря имѣло уровень значительно высшій, чѣмъ сосѣднія террасы. Два глубочайшихъ рва, обнажающихъ мѣловую формацію почвы, тянутся во всю длину этой линіи. Тутъ, на самомъ обрывѣ главной террасы, показались дымки ружейныхъ выстрѣловъ. Мы думали, что это эриванцы, наконецъ, зашли къ непріятелю справа. Но потомъ оказалось, что это была перестрѣлка, ошибочно затѣянная между непріятельскими пѣхотою и кавалеріею, принявшими другъ-друга за врага...

«Итакъ—дѣло стало критическимъ. Возникъ для меня вопросъ—что же будетъ дальше? Г. Кутули, который съ самаго начала штурма утверждалъ, что силъ нашего отряда слишкомъ недостаточно для взятія открытою силою такой неприступной позиціи, съ безпокойствомъ началъ говорить, что дѣло можетъ кончиться плачевно: *«ce sera un désastre»*, уныло повторялъ онъ. Но я все еще надѣялся,—потому только, что видѣлъ Ардаганъ,—надѣялся, конечно, не въ такой степени, какъ прочіе ожидающіе, но все-таки надѣялся на конечный успѣхъ.

«Наконецъ, ужъ поздно вечеромъ, около 7 съ $\frac{1}{2}$ час., прискакалъ кто-то отъ кн. З. Чавчавадзе, съ новою запискою. Въ ней сказано было, что со стороны Хоросана и Кепри-Кея показались сильныя колонны непріятеля, что наша кавалерія стала на крѣпкой позиціи и ожидаетъ дальнѣйшихъ приказаній; если же нужно будетъ стоять на мѣстѣ, она окрѣпится. Командующій корпусомъ разослалъ немедленно всюду приказанія оставить бой,—отступать, оставивъ занятія съ боя позиціи, и стягиваться позади праваго нашего крыла. Замѣтивъ же, что изъ турецкой позиціи выходятъ колонны, очевидно старавшіяся обойти насъ справа и отрѣзать намъ путь къ отступленію, онъ помчался на правое наше крыло. Тутъ не было никакихъ нашихъ войскъ: здѣсь стояли наши три баттаренъ, уже безъ всякаго прикрытія.

«Проскакавъ въ карьеръ пространство, отдѣлявшее насъ отъ нашего праваго крыла, командовавшій корпусомъ выбралъ мѣсто позади нашихъ баттарей, приказалъ имъ отойти назадъ, своему же конвою, состоявшему изъ 30—40 казаковъ, онъ приказалъ развести на полянѣ возможно большое количество костровъ.

«Между тѣмъ слѣдовало подумать о судьбѣ раненыхъ. По дорогѣ съ центра на правое крыло, мы встрѣтили множество ихъ. Иныхъ везли верхомъ, другихъ

вели подѣ руки, третѣи плелись сами кое-какъ, охая и вздыхая. Одинъ изъ нихъ въ особенности врѣзался мнѣ въ память. Это былъ солдатъ Эриванскаго полка, съ фizioномією окровавленную по всѣмъ направленіямъ, и съ рукою, перебитою пулею. Онъ ѣхалъ одинъ, верхомъ на казачьей лошади. Поровнявшись со мною, онъ сказалъ мнѣ: «Да, заварили мы сегодня дѣло!»—А много-ль легко нашихъ? спросилъ я.—«Ложились цѣлыми взводами, страсть! Но и ихъ уложили, какъ мухъ!»

«Нужно сказать, что мѣсто для перевязочнаго пункта заранѣе не было определено.

«Полковые врачи, шедшіе за своими частями для подачи первой помощи раненымъ, дошли до сел. Зивина, гдѣ ихъ осыпали гранатами и пулями, и помѣстились въ оврагѣ, подѣ прикрытіемъ обрыва. Позже они поднялись выше по склону горы, тоже подѣ прикрытіемъ неровности ската. Тутъ они оставались до поздняго вечера, когда, послѣ отступленія войскъ, перевязочный пунктъ остался въ 5-ти верстахъ отъ лагеря.

«Двѣ сотни Кизлярско-Гребенскаго полка, посланные на помощь къ перевязочному пункту для прикрытія и передвиженія его, сопровождали его отъ оврага до новой нашей позиціи.

«Осмотрѣли, выбрали мѣсто для устройства перевязочнаго пункта; командующій корпусомъ возвращался къ кострамъ, когда къ нему подѣѣхалъ адъютантъ г.-л. Геймана съ извѣстіемъ, что начальникъ отряда считаетъ необходимымъ оставить войска на занятыхъ позиціяхъ, и на утро возобновить атаку. Командующій корпусомъ отвѣчалъ, что онъ рѣшился очистить занятые позиціи, что главнѣйшія непріятельскія позиціи еще далеко не заняты, и что мы не можемъ атаковать ихъ, ибо всѣ почти наши снаряды и патроны истощились. Во всякомъ случаѣ, въ виду неудобствъ вести такого рода переговоры чрезъ посредство адъютантовъ, онъ просилъ ген.-л. Геймана пріѣхать немедленно въ корпусный штабъ.

«Генераль Гейманъ пріѣхалъ часа чрезъ полтора. Я не знаю, что происходило на совѣщаніи его съ командующимъ корпусомъ и съ начальникомъ корпуснаго штаба. Знаю только, что во всѣ стороны отправлены приказанія очистить взятые позиціи и стянуться къ корпусному штабу.

«На холмахъ, все еще занятыхъ нашими войсками, и съ траншей непріятеля, все еще раздавались по временамъ выстрѣлы. Ночью дыму не видно, за то видна молнія выстрѣла. Иной разъ всѣ края террасы похожи на поляну, на которой майскою ночью летаютъ сотни свѣтлячковъ. Въ нашемъ лагерѣ царствуетъ тишина... Всѣмъ хочется говорить, многіе имѣютъ что сказать, но какая-то невидимая сила мѣшаетъ каждому открыть ротъ, чтобъ сказать хоть что-либо.

«Командующій корпусомъ только что обратился къ чинамъ своего штаба съ просьбою—не спать этою ночью, такъ какъ предстоитъ много работы. Онъ еще разъ поѣхалъ верхомъ осматривать расположеніе батарей вокругъ бивуака. Оче-

видно онъ предвидитъ нападеніе, или же хочетъ приготовиться къ нему на всякій случай...»

Саганлугская экспедиція.

(Отъ 8 по 21 іюня). *)

Въ среду, 8 іюня, мнѣ сказали, что командующій корпусомъ уѣзжаетъ въ лагерь генерала Геймана съ тѣмъ, чтобы на другой день предпринять движеніе на Саганлугъ и быть можетъ даже на Эрзерумъ, если обстоятельства поблагоприятствуютъ. Не зная въ точности побудительныхъ причинъ этого движенія, нетрудно было, однако, догадаться, что оно направлено противъ Мухтаръ-паши, съ цѣлью или разбить его, или заставить отойти подальше отъ Карса на время рѣшительныхъ дѣйствій у этой крѣпости.

— «Приводите къ намъ Мухтарку, говорили одни, обращаясь къ отъѣзжавшимъ.

— «Лишь бы не уѣхалъ! Турки не такіе дураки, чтобъ принять сраженіе. Мухтаръ-паша отойдетъ къ Эрзеруму, и мы только напрасно прогуляемся. Повѣрьте, ничего не выйдетъ.

«Въ такомъ родѣ, большею частью, отвѣчали отъѣзжавшіе.

— «А въ такомъ случаѣ мы возьмемъ Эрзерумъ, прибавляли другіе—и тогда Карсъ самъ собою падетъ.

— «Ну, батюшка, до Эрзерума далеко! А вотъ мы безъ васъ Карсъ возьмемъ, такъ это вѣрно, утѣшались остававшіеся.

— «Ради Бога, не берите до нашего возвращенія.

«Такіе разговоры слышались всюду, и я привожу ихъ нарочно, чтобъ охарактеризовать общее настроеніе дѣйствующихъ войскъ и взглядъ большинства на турокъ. Упоенные несказанно легкимъ успѣхомъ при Ардаганѣ, войска ни во что уже ставили борьбу съ турками и только удивлялись, почему медлятъ и не ведутъ ихъ на штурмъ Карса, или отчего церемонятся съ Мухтаръ-пашою, безнаказанно разгуливающимъ по Саганлугу.

«Прошло уже болѣе мѣсяца со времени взятія Ардагана, а главныя силы дѣйствующаго корпуса стояли или кружились съ тѣхъ поръ въ виду укрѣпленій Карса. Такое замедленіе приписывалось самымъ стороннимъ причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ стратегіей и тактикой. Многіе были увѣрены, что Карсъ могъ быть давно въ нашей власти, а войска Мухтаръ-паши разбѣжались бы, еслибъ мы захотѣли занять Эрзерумъ.

«Прислушиваясь къ подобнымъ толкамъ и мнѣніямъ, я не зналъ, что дѣлать: ѣхать ли съ генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ на Саганлугъ, или оставаться подъ Карсомъ? Желательно было присутствовать при взятіи Карса, не хотѣлось упустить и разбитія на голову Мухтаръ-паши, не говоря уже объ интересномъ переходѣ черезъ Саганлугскій хребетъ.

*) Корресп. Голоса 1877 г.

«Часовъ въ пять дня мы тронулись въ путь, сопровождаемые пожеланіями успѣха и дружескими пожатіями руки. Еще разъ совершали мы хорошо знакомый путь кругомъ западной стороны карскихъ укрѣпленій. Съ Чалгаурскихъ высотъ очень хорошо видно было дѣйствіе нашихъ осадныхъ батарей, сооруженныхъ противъ Карадага, Арабъ Таби и отчасти Мухлиса. Мы любовались, какъ ловко нѣкоторые снаряды взрывались на валахъ и исходящихъ углахъ неприятельскихъ бастіоновъ. Особенно доставалось Арабу, который въ этотъ день былъ довольно сдержанъ и только изрѣдка бѣлый клубокъ дыма показывалъ, что орудія этого грознаго укрѣпленія могутъ еще потягаться съ нашими мортирами и двадцатичетырехъ-фунтовками, незамѣтно лежавшими за чернѣющими издали брустверами батарей.

«Лагерь генерала Геймана, находившійся съ юго-западной стороны Карса, у деревни Аравартана, представлялъ видъ бивуака, когда мы подъѣхали къ нему, часовъ въ восемь вечера. Палатки и всѣ тяжести были отправлены въ Мапру. Отрядъ двигался на-легкѣ, имѣя только продовольственный запасъ на 18 дней и подвижной лазаретъ. Тѣмъ не менѣе, обозъ состоялъ изъ нѣсколькихъ сотъ повозокъ, фургоновъ и арбъ. Намъ встрѣтили очень радушно. Отъ солдата до генерала—всѣ радовались предстоящему походу. Нѣкоторыя части гренадерской дивизіи, какъ, напримѣръ, Мингрельскій полкъ, не были еще въ дѣлѣ и надѣялись наверстать свое при встрѣчѣ съ Мухтаръ-пашою. Здѣшнія войска довольны не тогда, когда имъ часто приходится идти на непріятеля, но тогда, когда ихъ оставляютъ въ резервѣ или при обозѣ.

«Намъ засыпали разсказами о дѣлѣ 3-го іюня, въ которомъ главнѣйшая часть досталась на долю Грузинскаго полка и особенно кавалеріи князя Чавчавадзе. Говорятъ, будто турки получили свѣдѣніе, что наши войска выступили изъ Аравартана и въ лагерь остался только обозъ съ небольшимъ прикрытіемъ. Обманутые этимъ извѣстіемъ, турки рѣшились сдѣлать вылазку, чтобъ завладѣть лагеремъ. Около трехъ часовъ пополудни, часть карскаго гарнизона, въ составѣ восьми батальоновъ пѣхоты и нѣсколькихъ батарей, спустилась съ Шорохскихъ Высотъ и скрытно подошла къ возвышенностямъ, окружавшимъ лагерь при Аравартанѣ. Этому движенію благопріятствовало отсутствіе нашего пикета, по недоразумѣнію не поставленному въ тотъ день къ сторонѣ Карса. Въ лагерь предавались обычнымъ занятіямъ, когда неожиданно послышались выстрѣлы и между палатками зажужжали турецкія гранаты и пули. Ближе всѣхъ къ непріятелю находился гренадерскій Грузинскій полкъ. Не теряя времени, два батальона грузинцевъ быстро собрались и двинулись на высоты, занимаемыя непріятелемъ. Стоявшіе въ лагерь, на позиціяхъ, батареи, въ свою очередь, не замедлили открыть огонь. Четвертая легкая батарея подполковника Калакуцкаго, снаряды которой, съ мѣста расположенія ея, не могли достигать непріятеля, быстро выдвинулась впередъ и мѣткими выстрѣлами стала поражать турецкую полевую артиллерію. Замѣтивъ наступленіе только двухъ батальоновъ, турки встрѣтили ихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и, вопреки обыкновенію, не подавались назадъ. Тогда грузинцы ударили въ штыки и смѣло ворвались въ неприятельскіе